

Анастасия ЛАПСУЙ

г. Хельсинки, Финляндия

Жертвоприношение

До распада Советского Союза трудно было найти место, где бы не имелся монумент вождю мирового пролетариата. Внушительный по размерам монумент Владимиру Ильичу Ленину в полный рост стоял и в центре скромного посёлка Ныда. Мы, пионеры и комсомольцы средней школы, посадили деревья вокруг памятника, оградили, чтоб летом коровы не затоптали траву и не выгрызли листву. Местные ивы и ольха расцвели, набрали силу, мы гордились и любовались нашим парком. Пионерские торжества проходили в парке. Я тогда ещё бегала школьницей в белом фартучке. На долгие годы запомнился случай из жизни нашей пионерской дружины имени Героя Советского Союза Зои Космодемьянской.

Выстроили всех нас, учащихся Ныдинской школы-интерната. Перед нами выступил директор школы. Долго говорил. Мы, малыши, мало что поняли. А потом хором несколько раз повторили.

– Ленин не бог! Ленин – вождь мирового пролетариата!

Повзрослев, став радиожурналистом, узнала от старика Тапоя Салиндера, моего земляка, что послужило тогда причиной торжественной линейки школьников. Он вспоминал, что со своими друзьями Аркой Тёром, ветераном Великой Отечественной войны, защитником блокадного Ленинграда, и Тохэ Валаком, участником трудового фронта из ныдинской тундры, возле памятника Ленину устроили жертвоприношение перед весенне-летней путиной.

– Из дома принесли горячий чай, чашки, такое святое дело без водки не обходится. Всё приготовили как положено. Разложили еду, разлили водку по стопочкам, чашки наполнили чаем. Поставили всё перед Ильичом, чтоб аромат еды до него дошёл, – делится воспоминаниями со мной Тапой Салиндер.

– А ты помнишь оборону Ленинграда и посёлок Весёлый? – ни с того ни с сего спросил его Арка Тёр.

– Как мы остались живы, только Богу известно. Местечко запомнилось, – говорю ему.

– Я перед каждым боем из своей положенной водочной нормы половинку на землю выливал, молился не только нашим богам, но и ему. Мы защищали его город. Может, по той земле, где были наши окопы, он ходил? – говорит Арка.

– А кто из нас не молился?! – говорю я. – И кольцо блокады прорвали с его именем. Я думаю, его душа вела нас вперёд.

– А мы тут рыбачили дни и ночи. Самую отборную рыбу отправляли на фронт под девизом: «Всё для фронта! Всё для победы!». Наши женщины шили тёплую одежду: кисы, тобаки, малицы, шапки, – вставил своё слово и Тохэ Валак.

– Мы сидим мирно, спокойно, каждый из нас ушёл в воспоминания. Посидели, пора приступать к трапезе и, конечно, по обычаям старины первую стопку надо преподнести тому, которому приносится жертва. А мы сидим возле памятника Владимиру Ильичу, ему и положено угощение. Хотел дотянуться до рта вождя, чтоб из своих рук преподнести чарочку, да росту не хватило, – с улыбкой вспоминает Тапой старик.

– А ты вылей на землю. Отсюда дойдёт до него. Его душа среди нас, – успокоил Валак.

– А как же иначе? Не зря же свой взгляд распростёр над долинами, горами, морями, реками, до самых до окраин Советского Союза, – говорит Арка Тёр.

Только сели кушать, выпили за здоровье великого Ленина, мимо нас идёт первый секретарь райкома партии, товарищ Антонов. Завернул к нам:

– Что у нас тут происходит? Из чумов жёны выгнали? – весело спросил он.

– Садись с нами. Мы, ненцы, перед весенней путиной всегда делаем жертвоприношения нашим богам. Просим от них удачной рыбалки, спокойной погоды, здоровья семьям. Он – Бог! Бог всех людей на земле. – Начал рассказывать Арка Тёр непонятливому секретарю. Он лучше нас говорил по-русски.

– Он не бог, а вождь мирового пролетариата, – говорит Антонов.

– Проларит, пролетарит. Ты это у себя в конторе говори. Я вот что скажу, Тапой, вот сидит, подтвердит мои слова, он мне больше чем друг,

дороже родных братьев, вместе обороняли город Великого Ленина. Друг за друга держались, куском хлеба делились. Тяжело было. Но как ни обороняйся, а победа сама не приходит. Дождались! Командиры говорят: «Дан долгожданный приказ. Сегодня прорвём кольцо блокады Ленинграда!» Мы поднялись, под непрерывным огнём противника, с криком «Ура!» ринулись в бой, бежим, но друг друга из виду не теряем. Мало ли что может случиться. Мой друг, земляк, Тапой, впереди меня оказался, и вижу, вдруг руками замахал, думаю, подзывает. Пока добежал до него, он рухнул на землю, это было возле посёлка Весёлый, – рассказывает Арка Тёр. – Что могу сделать для него? Умирает мой земляк, ненец. У меня сердце кровью

облилось, перед глазами всё поплыло. Чем могу помочь? Только молось. Всех богов призвал на помощь. А потом вспомнил, закричал небесам и ему: «Дорогой Ленин, твоя душа всемогуща, твоё сердце велико, помоги сохранить его дыхание!» И вот теперь ты видишь? А ещё говоришь...

– Понимаю, понимаю, но больше не делайте так. А вдруг все рыбаки начнут приходить сюда. Ленин не бог, а вождь.

– А мы-то думали, Ленин и есть настоящий бог, – убирая с постамента посуду с едой, сказали мы.

А потом деревья, видимо, почувствовали, что подули другие ветра, зачали, захирели. Песок взял верх над зелёной летней травой.

Ожидание Анны Салиндер

Сколько себя помню, я всегда питала к Анне Салиндер самые тёплые чувства. Часто встречались и за чашкой чая вели нескончаемые беседы. Она была старенькой и поэтому в наших разговорах чаще жила в своем золотом

юном времени, чем в сегодняшнем нашем дне. Анна большую часть своей жизни прожила в ожидании. Из её рассказов я запомнила: «Давно, когда была молодой, там, где большие города, началась война. Говорят, большая война. Да и по себе люди чувствовали. Ненасытное брюхо войны проглатывало новых и новых молодых людей. Война была кровавадной, требовала тех, кто мог держать ружьё. Уходили ненецкие юноши».

Неумолимая рука войны не обошла и Анну Салиндер. Из тёплого просторного чума трёх её братьев вытащила. Парни с берега маленькой тундровой речки Хадьты толком не поняли, куда и зачем понадобились. Но собрала сестра в неведомую путь-дорогу трёх оленеводов.

Постояли парни на берегу Хадьты. Порогу родного чума и старушке-матери низкий поклон отвесили. Слово-наказ сестре оставили.

С тех пор прошли зимы, весны. Видимо, долго ждала, не заметила, как время побелило её черные волосы. Она ждала. Ждала терпеливо, трудилась за себя и братьев в колхозе имени Сталина, который располагался в посёлке Ныда. Зимой и летом рыбачила. Оленей берегла. Ни разу сердцу-ведуну не поверила, что братья могут не вернуться. Когда вернулись все, кому суждено было вернуться, а на других «плохие» бумаги пришли, излила в личной песне тоску-печаль: «Подарок брата – лучший олень, видимо, и я под стать ему. На оленьих гонках мужчин, я, единственная женщина, обогнала все упряжки. Моя лёгкая нарта, выстроенная моими братьями, в поселок первой пришла. Эта песня

Рисунок ТАТЬЯНЫ ГАВРИЛОВОЙ

о моей трудной жизни, женщины из рода Салиндер. Много весен прошло, только слова среднего брата до сих пор звучат в моих ушах. Мой брат, уходя на войну, сказал: «До моего возвращения чум не растеряй, с оленями тебе не справиться, их много, строптивы и дики. Не объедешь все тундровые лоцины. Оленей мы наживем. За чумом смотри». И последнее слово его: «Береги нашу маму, будь нежна и ласкова с ней. Радость и горе с ней дели». Годы прошли, слова эти помню. Оленей

среднего брата не сумела сохранить, просторный чум, полученный в наследство от мамы, до сих пор стоит на земле. Видимо, любимых братьев уже не дождусь, одна доживаю свой век в пустом чуме на берегу Хадьты».

Бабушка Анна долго жила ожиданием. И в ожидании скончалась, а её личная песня сохранилась в душах ныдинских женщин, нет-нет, да кто-нибудь из них и сплет её под хорошее настроение.

Судьба Евгения Того

До Великой Отечественной войны в ярсалинской тундре жил молодой оленевод Евгений Того. Как все молодые был любознателен, всё новое хотел на себе испытать. И как только появилась в районе комсомольская организация, вступил, гордясь тем, что он из ненцев комсомолец номер один в Ямальском районе. Чтоб не отстать от всего нового в 1937 году в составе окружной команды лыжников совершил лыжный переход до Омска. Выучил русский язык, в финскую войну добровольцем ушёл на фронт. Вернулся. А когда началась Великая Отечественная война, снова напросился на фронт. Много дорог исколесили его ноги, но особо запомнились дни Сталинградской битвы. Не раз слышала от него о защите Сталинградского тракторного завода. Эти воспоминания для Евгения были самыми страшными событиями войны. А если сегодня порыться в мемуарах тогда пленённого фашистского генерала Паулюса – бывшего командующего армией по захвату Сталинграда, он восхищается мужеством и стойкостью советских солдат в сражениях в битве за Волгу.

Евгению Того повезло, ранения, конечно, были, главное – он вернулся. К тому времени обучился грамоте, тем более фронтовик, ему в Ярсале, центре Ямальского района, доверили продуктовый ларёк по обеспечению тундрового населения. И если Евгений Николаевич чуть слухавил, значит, и я чуть слухавлю сейчас, но по его рассказам дело обстоит так: «В какой чум ни приду, одни дети, старики и старухи. Кому-то хлеб надо, боеприпасы нужны, капканы. Сыновья, мужья погибли на фронте, кормильцы не вернулись. Как я могу просить оплату за товар, когда я сам прошёл всю войну? На память приходят тяжёлые моменты боёв, когда теряли, хоронили боевых товарищей, минуты

счастья, что сегодня ты выжил, может, и завтра минует тебя шальная пуля. Никто из тундровиков не получил весточку, ни одного письма с фронта. Война уже закончилась, а они ещё ждут тех, кто уже не вернётся с полей войны. Не поднимается рука, не поворачивается язык просить деньги за оплату товара. Что взять с них?»

Вот в конце зимы вернулся в Яр-Сале, времена те были строгие, послевоенная талонная система, а он всё раздал. Враг народа, расхититель социалистического имущества, который заслуживает строгую меру наказания. И бывшего доблестного солдата, награждённого медалями и орденами фронтовика, прямой дорожкой отправили куда-то. Посадили его. Я не знаю, сколько времени он отсидел в тюрьме. Где он сидел, никто из родственников не знал. В пятьдесят третьем году, со смертью Сталина, была объявлена всеобщая амнистия, и он тоже попал под амнистию. Не поехал в родной поселок, а приехал в Ныду в пятьдесят четвёртом году, женился на очень молоденькой девушке, и родилось у него пятеро сыновей.

В 1961 году колхоз имени Сталина перешёл в Пуйковский рыбозавод, а на базе колхоза образовался рыбоучасток. И в этом же году Пуйковский рыбозавод начал осваивать внутренние озерные водоёмы по реке и верховьям Надьма, по реке Хетта в Надымском районе. Туда отправляли опытных промысловиков. Евгений Николаевич Того уговорил моего отца принять участие в этом освоении. Оказывается, он хорошо знал места, потому что его «родная» колония находилась на 107-м километре. Он был подневольным участником печально известной 501-й стройки. И он находился от семьи не за тридевять земель, а совсем близко. Если бы весточку дал, можно было в гости к нему прийти. 🌐